



художник В. Камаев

# Надежд разбитых груз

Владимир Венгловский

*...В душе моей, как в океане,  
Надежд разбитых груз лежит.  
Кто может, океан угрюмый,  
Твои изведать тайны? Кто  
Толпе мои расскажет думы?  
Я — или Бог — или никто!*

М.Ю. Лермонтов

Божественные звуки Пятой сонаты наполняют комнату и, вырываясь в открытое окно, плывут над безбрежной темной водой. Кресло-качалка поскрипывает, внося слабый диссонанс в музыку Бетховена. Но это не страшно. Я уже привык и менять ничего не собираюсь. Ни Бетховена, ни кресло, ни холод от «бенелли» двенадцатого калибра в правой руке. Охотничье ружье, заряженное патронами с картечью, удобно лежит на подлокотнике и качается вместе со мной.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Прокравшийся в комнату ветер теребит занавески, и они шевелятся в такт музыке, словно паруса. И мне кажется, что старая девятиэтажка — это корабль, плывущий по вечному морю, чьи волны поднимают и опускают крепкую палубу.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

Я закрываю глаза, прислушиваясь к посторонним звукам, прорывающимся сквозь музыку. Я их не слышу — скорее, чувствую. Или представляю.

«Топ-топ-топ» — это шлепает широкими, вечно мокрыми лапами, спускаясь по лестнице, Пингвин. И как только его Бледная Пакость пропускает? Сожрет ведь когда-нибудь.

«Шур-шур-шур» — скребется, поднимаясь из воды по старой кирпичной кладке, длинное щупальце. Я — на седьмом. Уровень воды — между пятым и шестым этажами. Щупальцу ползти совсем недалеко, оно справляется со своей задачей и заглядывает в окно. Присоски на утолщении прислушиваются к дыханию теплой добычи. Ко мне то есть. Тварь, сидящая под водой на другом конце щупальца, еще не знает, что такое патроны с картечью. Спасибо за «бенелли» хозяину квартиры на девятом. Жаль, что не могу лично поблагодарить.

Давай-давай, подползай, хватит уж осторожно подкрадываться. Время поджидает.

Пингвин открывает дверь и появляется на пороге.

— И-и-и-и! — кричит он. — И-и-и-и!

Щупальце замирает в секундном замешательстве — кто это? что делать? — а затем, выпустив электрический разряд куда-то вверх, как натянутая резина щелкает обратно к окну — бежать, спасаться. Я стреляю вслед. Часть картечи уходит в изрешеченную стену, часть — в окно. Но основной заряд попадает в щупальце, разрывая студенистую плоть. Мне кажется, что где-то глубоко-глубоко под домом кричит от боли неизвестный мне водяной зверь. Утолщение с присосками падает на пол, заливая покореженный паркет голубой кровью.

— И-и-и-и! — радуется Пингвин, в предчувствии сытного обеда хлопая себя по лоснящимся бокам и переминаясь с ноги на ногу.



ФАНТАСТИКА

— Ну, что ты наделал? — спрашиваю я, разглядывая черное пятно на потолке. — Чуть добычу не упустили. Ай-ай-ай!

Пристыженный Пингвин опускает голову, но я вижу по его хитрым глазам — нет, не раскаивается, в следующий раз опять без спросу притопает. Это он за меня переживает. Ему почему-то кажется, что я обязательно промахнусь и стану обедом для одного из тех. Из глубины которые.

Какой же из меня обед? Правильно — невкусный. Жилистый. Но Пингвина не разубедишь...

Я аккуратно вырезаю из остатков щупальца электрическую железу. Стоит только неосторожно ее сжать, как из кольчатой трубки на конце ударит молния. Бережно опускаю железу в трехлитровую банку с соляным раствором — и пойду теперь наверх заряжать аккумуляторы. Хочется же еще Бетховена послушать. Да и новости узнать не помешает. Вот и охочусь. На некоторых.

— Ешь, — кидаю я Пингвину все, что осталось.

Пингвин хватается мясо прямо на лету и тут же проглатывает, громко щелкая зубастым клювом.

— Эх ты, плод моего воображения, — говорю я Пингвину, дружески хлопая его по плечу, — вкусно небось? Да, это тебе не бычки в томате. Ладно, пошли радио слушать.

— И-и-и! — соглашается Пингвин, осматривая пол: вдруг где-то затерялся вкусный кусочек.

Я закидываю «бенелли» за спину, беру под мышку старый магнитофон, сую в руки Пингвина банку, и мы выходим на лестничную площадку. Пингвин, переваливаясь с ноги на ногу, впереди. Я — сзади.

Стены покрыты потоками сырости. Плесень расплзлась по штукатурке витиеватыми узорами — радостью психоаналитика. Был у нас такой тип при лаборатории. Вызовет тебя в кабинет, откроет журнал и спрашивает: «На что, Сережа Павлович, это похоже? А это? Вот сюда посмотрите». А там — кляксы разные, которые обязательно что-то напоминать должны. Ну да, напоминали, прямо как эти разводы на стенах. Вон тот, например, на зубастую пасть похож...

— Стой, Пингвин! — кричу я. — Я ж про Бледную Пакость из-за тебя забыл!

Возвращаюсь обратно в квартиру и сердито ищу, что бы такого отдать на этот раз. Взгляд падает на подписку старых литературных журналов за две тысячи двенадцатый год. С одной стороны — жалко. А с другой — что делать?

— Посторонись, — говорю, — Сусанин ты лапчатый, а не Пингвин.

Пингвин тяжело вздыхает.

Размахиваюсь и запускаю журналы в сторону лестницы. Связывающая их тонкая бечевка рвется, и журналы, шелестя листьями, опускаются на лестницу шестого, сползают по ступенькам, шлепаются в воду пятого.

Туда, где обитает Бледная Пакость.

Никогда не могу заметить момента атаки — лишь в воздухе повисает водяная взвесь, да перед глазами — бледная размытая пелена. Пакость передвигается так быстро, что

увидеть ее никак не получается. На лестнице не остается ни одного журнала — все схватила, до каждого листочка. Сидит сейчас, разбирается — съедобно или нет.

— Пошли, — говорю Пингвину, — наверх побыстрее.

Хотя знаю, что можно и не торопиться. Пока Пакость поймет, что схватила что-то несъедобное, проходит минут пять. После чего снова начинает подстерегать. Тугодум какой-то.

Мы поднимаемся выше. Пингвин, чувствуя за собой вину, грустно шлепает позади.

— Пойдем сегодня к Старушке? И радио сюда принесем? — спрашиваю я, кивая на потрескавшуюся деревянную дверь на восьмом.

Дверь распухла от сырости и, если на нее надавить, откroется с неприятным скребущим звуком. Квартира пропахла старыми газетами, керосином и ветошью. Все стены, начиная с короткого темного коридора, обклеены черно-белыми фотографиями. Портреты, портреты... Улыбающиеся мальчики и девочки в нарядных костюмах, взрослые, так же дарящие ослепительные улыбки. Вся история многочисленного рода перед глазами. А Старушка жила одна. Одинокa узкая кровать у стены. Пропахшая сыростью деревянная грузная мебель. Запасы крупы, сахара и соли. Керосиновая лампа на столе. Вот за запасливость — огромное Старушке спасибо. Это тебе не бычки в томате с девятого.

— Нет, — говорю я Пингвину, закрывая дверь. — К Старушке не пойдем. Пойдем к Охотнику. Там слушать будем.

Пингвин радостно кивает, приоткрывая длинный клюв.

— И-и-и-и, — шлепает он руками по лоснящимся бокам. — И-и-и-и.

В квартире Охотника Пингвину очень нравится разглядывать олени рога, висящие на стене.

Дверь к Охотнику бронированная, металлическая, такую не открыть топором, как дверь Старушки, — пришлось пробивать стену от соседей. Сейчас замки можно не закрывать — гостей не предвидится. На весь дом только я и Пингвин, если не считать надежно засевшую между пятым и шестым Бледную Пакость.

Прямо в прихожей скалится и глядит с пола пластиковыми глазами шкура буроого медведя. Роскошная мебель расставлена в безумном сочетании классики и хай-тека. В гостиной — шкаф со стеклянными дверцами, заполненный призами и фотографиями. Фотографии разнообразием сюжетов не отличаются. Охотник с медведем и товарищами. Медведь — мертвый. Товарищи — живые и улыбающиеся. Охотник с двумя грустными убитыми кабанами, третий слева. Охотник где-то в Африке на сафари, львов, наверное, выслеживает.

Я смотрю на простреленный потолок и вспоминаю, как едва не снес Пингвину голову.

— Пингвин, — киваю я на следы картечи на потолке, — помнишь?

Пингвин не помнит. Пингвин, приоткрыв клюв, смотрит на рога, висящие возле шкафа. Он очень занят. Кажется, не дышит даже. Я забираю банку из рук Пингвина, ставлю на стол и опускаю в нее контакт аккумулятора. Второй кидаю на батарею отопления. Вскоре аккумулятор зарядится и можно будет услышать последние новости.

Выхожу на балкон и вдыхаю прохладную свежесть. До самого горизонта — вода, переходящая в голубое небо. Над торчащими остовами домов — тишина и огромное яркое солнце. Белые облака с розовой корочкой проплывают по небу и отражаются в водной глади. Говорят, что, оставшись один, человек может довольно быстро сойти с ума. Но я же не один — у меня есть Пингвин.

«Топ-топ-топ» — Пингвин тоже выходит на балкон. Снятые со стены рога он гордо держит в руках перед собой.

Пингвин подходит к перилам и сбрасывает рога вниз.

— Ну ты даешь! — говорю я.

— И-и-и, — соглашается Пингвин, тяжело вздыхая.

В это мгновение радио в комнате на столе кашляет и начинает вещать голосом диктора: «Кх-х-х. Уровень воды за последнюю неделю не изменился. Пятнадцатиметровая водяная стена замерла на расстоянии ста двадцати километров от эпицентра трагедии в городе... Кх-х-х... Затоплено... Кх-х-х... Эвакуация продолжается. За последний месяц аномалия расширилась в диаметре на тридцать километров. Причины трагедии, приведшей к массовой гибели людей, до сих пор неизвестны. Ученые продолжают спорить о факторах, вызвавших необъяснимое стихийное бедствие. Почему вода замерла в огромном цунами, словно за невидимой стеной, и не разливается дальше, а передвигается скачкообразно? Откуда взялось такое количество воды посреди суши? Сегодня в студии профессор... К-х-х... Поддерживающий теорию о внеземном происхождении...»

Я схватился за голову. Больно. Очень больно. Боль набегае, словно морские волны. Пингвин испуганно смотрит и беззвучно раскрывает клюв.

— Слышишь, Пингвин внеземного происхождения, — сквозь боль улыбаюсь я. — Помоги до кровати добраться.

Сильные руки Пингвина бережно подхватывают меня под мышки и опускают в кровать.

— Больше никогда меня не буди, — говорю я, чувствую на лбу его холодную ладонь и проваливаюсь в сон.

У озера, отливающего на солнце изумрудами, растут дома. Именно — растут, словно мангровые заросли, окуная в прибрежную илистую воду толстые извилистые корни. В городе кипит жизнь. Маленькие шустрые обитатели напоминают древесных квакш, но только многоногих и с пучком щупалец у головы. Они бегают, открывая круглые дверки и выглядывая в окна. Среди города поднимаются огромные белые цветы, растущие из верхушек домов. Посреди лепестков сидят большие толстые жабы, важно и глупо глаза по сторонам.

— Кар-р-ра! — вдруг кричит одна, широко раскрыв рот и пузырями надувая щеки. — Кар-р-ра!

Тут же по лестнице взбираются несколько квакш, перекачивают жабу на носилки, бегут к воде и спешно булькают туда толстуху.

— На нерест пошла, — комментирует невидимый Пингвин.

— И в этом мире разум, — говорю я. — Вы что — сговорились все? Почему не попадается ни одного пустого мира?

— А они есть, пустые миры? — вместо ответа спрашивает Пингвин.

— Мне еще не встречались. А ты не признаешься. Порошенок ты, а не Пингвин. Там «и-и-и» да «и-и-и», а как в мои сны пролезает, так болтаешь слишком много, только всё не по теме. Вообще — тебя кто сюда звал?

— Никто. Я сам пришел. Тебе помогаю. И надеюсь, что ты найдешь мой мир.

— А вот и нет никакого твоего мира, — говорю я. — И тебя нет. Ты только плод моего воображения. А я потихоньку схожу с ума от боли и одиночества.

— Думай как хочешь, — вздыхает Пингвин.

— Слушай, — говорю я, чувствуя далекую подкрадывающуюся боль, — ответь на вопрос наконец, это ты портал в мой мир открыл?

Но Пингвин, как обычно, не отвечает. А боль настаивает меня во сне, набегае незримой огромной волной и заполняет водой так, что голова готова разорваться в любую минуту. Падаю на колени. Стоит только не противиться напору, выпустить воду наружу, как она сметет этот мир. И я вижу...

Вода вливается сквозь открывшийся портал, разрушая мангровый город. Она ломает цветы, и белые лепестки мечутся с волны на волну. В соленых водоворотах исчезают толстые жабы. Погибают, пытаясь спастись, быстрые квакши, раздавленные напором воды.

Нет! Назад! Я не могу! Это неправда!

Я не могу погубить чей-то мир. Даже спасая собственный. Не имею права.

Нет больше сил сдерживать воду, и она уходит вместе с болью там, где-то далеко, на моей Земле. Я покидаю сон с его счастливыми, оставшимися жить мохнатыми обитателями.

Открываю глаза и чувствую тошноту. После снов-путешествий — вечное похмелье.

— Дай чего-нибудь поесть, — прошу Пингвина.

Его не видно, но я знаю, что плод моего воображения бродит где-то неподалеку. Ага — а вот и он, несет банку бычков в томате.

— Нет чтобы что-то другое предложить, — бурчу я. — Омаров, например.

Пингвин пожимает плечами, копируя мой жест, и вскрывает банку с помощью консервного ножа. По комнате распространяется ненавистный запах. За разнообразное меню тоже надо Охотнику спасибо сказать. Это в его квартире я нашел с полсотни таких банок. К потопу он, что ли, готовился? Или просто бычки в томате обожает?

— Ну, поехали, — говорю я и втыкаю вилку в жирные рыбки куски.

А электрических студенистых тварей пусть Пингвин жрет. Может, они для людей ядовитые. Моя жизнь в данной ситуации очень ценна. Беречь надо Сергея Павловича и лелеять.

Радио опять оживает — это Пингвин ненароком его включил, неуклюже повернувшись.

«Кх-х-х... Экстренное сообщение. В аномальной зоне новый резкий скачок. Уровень воды поднялся на полметра, а стена переместилась на пять километров. По предварительным данным, жертв нет, люди из зоны риска были заблаговременно эвакуированы. Подобный скачок наблюдался неделю назад, когда радиус зоны затопления увеличился сразу на десять километров. Что может остановить наступающую воду? Сегодня у нас в гостях известный физик... Кх-х-х... Его речь вы прослушаете сразу после обращения к народу митрополита... Кх-х-х».

— Эге, — говорю я, — слышал, как уровень поднялся? Так и Бледная Пакость скоро свою добычу получит. Уже недолго осталось, — поднимаюсь я из-за стола, отталкивая наполовину опустевшую консервную банку. — Надо воды набрать. Кажется, ночью шел дождь?

Пингвин не отвечает. Он разглядывает место, где висели рога, и тяжело вздыхает.

Я достаю из-под стола пустую пластиковую бутылку и выхожу на лестничную площадку. Слева от квартиры Охотника новая дверь китайского производства из тонкого металла, надави пальцем и прогнется. Здесь жили Молодожены. Справа — старая дверь, обшитая ободраным дерматином с торчащими из-под него кусками грязного утеплителя, — за ней обиталище Скрыги. Эти квартиры мне не нравятся — недостаточно пропитались жизнью. Молодожены только въехали, а Скрыга не оставил после себя следа, словно и не жил никогда.

Время металлическими ступенями, поднимаюсь на чердак. Оттуда — на крышу. Так я гораздо ближе к небу с белыми облаками. Чувствую, что скоро придется сюда переселиться, если уровень воды поднимется еще выше. На широкой крыше в тени кирпичной вытяжки стоит ванна, куда собира-



## ФАНТАСТИКА

ется питьевая вода во время дождя. Разгоняю плавающих личинок комаров — «чертиков», наполняю бутылку и подхожу к низкому ограждению на краю крыши.

Слышу: «Бум-бум-бум». О! Пингвин топает. Соскучился.

— И-и-и, — появляется в чердачном люке его черная физиономия.

— Заходи, — говорю, — гостем будешь. Полюбуйся живописными видами. Хотя кругом одно и то же, как ты понимаешь. Суши не видно.

Пингвин хмурится. Вспоминает, наверное, тот день, когда сюда попал.

Страшные тогда были волны! Похлеще цунами. Вода, появившаяся из портала посреди города, неслась стремительными потоками, сметая все на своем пути. Как я спасся? Не знаю. Хватался за плывущую мебель, выныривал, падал в воду и снова плыл. Видел ли я портал? Нет, наверное. Не до того было. Достаточно, что я его чувствовал. Я ведь сам такие открывать умею.

Но страшным был не только напор воды. Вместе с потоками сквозь портал прошли чужие существа.

Пингвина я встретил, когда до этой девятиэтажки доплыл. Как сейчас помню: открывается навстречу дверь, и появляется черное существо с меня ростом, улыбаясь зубастым клювом. Хорошо, что я тогда еще «бенелли» не нашел.

— И-и, — вдруг, непривычно волнуясь, говорит Пингвин. — И-и.

В небо показывает. Смотрю — вдалеке вертолет небольшой летает. Как я его стрекот не услышал? Задумался, наверное. Не угомонились еще, выходит, эвакуаторы. Или... У меня возникло нехорошее предчувствие. Неужели ищут меня? Ну, кажется, манией преследования я еще не страдал.

— Пойдем, — говорю Пингвину, — нам ведь не надо быть спасенными.

— И-и-и, — соглашается Пингвин.

Прежде чем нырнуть в темноту чердака, оглядываюсь. Не нравится мне этот вертолет. Очень не нравится. Как бы нас не заметили.

Почему я вновь чувствую приближающуюся боль? Так быстро. Совсем же недавно в сон погружался.

— Помоги, — падаю я на скользкую пингвиной спину.

Пингвин подхватывает меня сильными руками. Я вижу, как внизу перемещаются по железным ступеням его красные гусиные ноги — шлеп-бум, шлеп-бум. Боль накатывает в такт шагам и пульсирует в висках острыми иглами. Я проваливаюсь в спасительный сон прямо на холодной пингвиной спине.

Редкие снежинки медленно опускаются на пожелтевшую траву. Ветер тербит травинки и гонит по полю сухие коробочки с семенами. Плывут свинцовые тучи, едва не задевая шпили башен, соединяющих землю и небо. Башни испещрены отверстиями-выходами. Крылатые создания, словно летучие мыши, носятся туда-сюда, изображая хаотичное движение.

Устало опускаюсь на промерзшую землю.

— Не повезло, — говорю невидимому Пингвину.

— Не повезло, — соглашается Пингвин.

Летучие мыши одеты в пестрые одежды. Они живут, рожают детей, создают предметы искусства и, наверное, пишут книги. Во всяком случае, они разумны — с этим фактом трудно поспорить.

Стоит мне захотеть, и вода ворвется сквозь открытый портал, повалит башни, крылатые создания будут, жалобно крича, носиться над бурными потоками, чтобы в конце концов свалиться от усталости в воду, смирившись с гибелью собственного мира.

Я кто — бог или дьявол? Какова цена спасения моей Земли?

— А твой мир какой? — спрашиваю я у Пингвина. — На что он похож?

— Он — красивый, — тихо отвечает Пингвин.

— Ну что ж, — говорю я, — пора просыпаться. Пойдем.

Иду по холодному полю, давя воображаемыми подошвами хрупающие твердые снежинки. С каждым шагом чувствую, как вода в моем городе продвигается все дальше, а у меня нет сил ее сдержат. Но открыть портал и выпустить воду в мир высоких башен я тоже не могу.

Позади радостно пищат летуны, не подозревая, что были на краю гибели.

Откуда-то издалека, может быть, совсем из другого мира, сквозь появившуюся боль доносится стрекотание летающего механического чудовища.

Открываю глаза и вижу перед собой человеческое лицо в черных очках. Все-таки заметили нас гости-с-вертолета. Двигателя не слышно, неужели сумели сесть на крыше?

— Здравствуйте, агент Смит, — говорю я.

— Какой я вам Смит? — удивляется мой новый гость.

Из-за его спины появляется второй человек, похожий на первого, как родной брат. Оба в строгих деловых костюмах. От плотных фигур веет непоколебимой уверенностью людей, никогда не сомневающихся в правильности своего выбора.

— Вы — Григорьев Сергей Павлович? — задает вопрос Второй.

— А вы — Джеймс Бонд? — спрашиваю я в ответ.

— Не совсем. Скажем так, работаем в схожем ведомстве, — с улыбкой отвечает Первый.

Он снимает очки, дышит на стекла и протирает их носовым платком. Его голубые глаза кажутся немного растерянными.

Гости выглядят довольными, как слоны после купания.

— Уважаемые довольные слоны, — говорю я, — что ж вы вырядились киношными героями? Вы же должны быть в толпе серыми и неприметными.

— По-разному, — говорит Первый, пряча очки в нагрудный карман. — Да и толпы тут нет. Но вы не ответили на наш вопрос. Хотя не надо. Не считая появившейся седины, вы очень похожи на свои фотографии. Ну, здравствуйте, Сергей Павлович.

— Привет, — пожимаю его крепкую жилистую руку. — Вы Пингвина не видели?

— Кого? — удивляется Второй.

— Пингвина. Такой, знаете ли, черный, почти с меня ростом, с белой манишкой и клювом. — Я показываю, какой длины клюв у моего воображаемого друга.

— Нет, не видели, — пожимает плечами Первый.

— Так я и думал, — расстраиваюсь я.

— Собирайтесь, поднимаемся к вертолету, — говорит Второй.

— Зачем? — спрашиваю я. — Мне и здесь неплохо. Спокойно, не мешает никто. Морской воздух для здоровья очень полезен. Могу бычками в томате угостить — у меня их много.

А как вы вертолет сумели на крышу посадить, лопасти антеннами не повредили, случайно?

«Бенелли» лежит далеко — не достать. Да и не смогу я в скорости с новоявленными суперменами из спецслужб соревноваться.

— У нас приказ, — говорит Первый, — найти Григорьева Эса Пэ и доставить в Управление. Но у меня к вам еще и личный вопрос. — Его глаза больше не кажутся растерянными, они словно две ледышки. — Зачем вы активировали Систему?

— Систему? — удивляюсь я. — Какую Систему?

— Не корчите из себя дурачка, — говорит Второй.

— Почему обязательно корчу? — возмущаюсь я. — Я ж до лаборатории в психушке находился. Мне, так сказать, по службе положено корчить этого самого, вашего. Или по призванию.

— Урод! — приближает ко мне лицо Второй. «Сам урод, — думаю я, — хоть бы очки снял — глаз не видно. Трудно так с человеком разговаривать». — Ты активировал Систему, разработанную в Четвертой лаборатории, и открыл портал в другой мир, откуда хлынула вода. Ты, сволочь, вызвал новый потоп! Отвечай, как отключить Систему? Где она теперь? Почему еще работает, если лаборатория разрушена?

— Коля, перестань, — останавливает его Первый. — Ты не знаешь всей информации. Ведь наш уважаемый Сергей Павлович и есть Система.

— Разрешите представиться, — говорю я. — Система. Очень приятно.

Такое прозвище мне дали в Четвертой лаборатории, куда меня вытащили из городского психоневрологического диспансера, где я лежал с диагнозом «шизофрения». У пациента Григорьева Сергея Павловича наблюдались устойчивые бредовые идеи. Ему казалось, что во снах он попадает в другие миры, и часто он, то есть я, не мог отличить сон от реальности.

Четвертая лаборатория занималась исследованиями парапсихических способностей человека. Меня многому там научили.

— Ладно, — быстро приходит в себя Коля, который Второй. — Мне не интересно, как ты там это делаешь — пальцами щелкаешь или копытами стучишь, распространяя серную вонь. В Управлении разберутся. Я спрашиваю: зачем? Зачем ты решил погубить наш мир? Моя сестра, мразь, умерла во время потопы.

— Дело в том, что я не открывал портал, — говорю я, раздумывая, куда же это Пингвин подевался. Наверное, сквозь дыру в стене отправился в квартиру к Молодоженам.

— А тогда кто?

— Не знаю. Кто-то извне. Из другого мира. Может быть, наши эксперименты ослабили связи и этот кто-то воспользовался слабину, чтобы слить лишнюю воду? Или же он просто искал воду для своего мира?

— Не верю! — кипятится Второй.

— Коля, подожди, — говорит Первый. — Если ты утверждаешь, — обращается он ко мне, — что портал открыт не тобой, так закрой его!

— Я многое теперь могу! — отвечаю я. — Могу открывать порталы. Могу заглядывать во сне в другие миры. Могу сдерживать воду. Вот так. — Сжимаю пальцы в кулак. — Но не могу закрыть чужой портал, точно так же, как вы не можете его разрушить. Он не материален. Это только незримый проход.

— Тогда открой новый портал, — спокойно говорит Первый. — Пускай вода уйдет в другой мир.

— Там жизнь! Разум! Я ищу пустышку в каждом сне. Я продираюсь сквозь миры, но не могу их погубить.

Устало опускаюсь на кровать. Сквозь дыру в стене появляется голова Пингвина.

— И-и-и-и, — раскрывает он клюв и глядит на гостей.  
— Ну ни хр... Кто это?! — кричит Первый.  
Второй выхватывает пистолет. Пингвин прячется.  
— О! Вы тоже его видите? — радуюсь я. — Понятия не имею, кто это. Но откликается на Пингвина.  
Второй делает два шага к пробитой стене.  
— Отставить, — командует Первый. — Черт с ним. Тут полно подобной гадости завелось. Берем Систему и на крышу. Он протягивает ко мне руки.

— Я не могу! — пытаюсь отползти от него подальше. — Вы не поняли. Если я отсюда уйду, то не смогу контролировать воду. Я же ее держу! Вот! Вот! — Я свел ладони вместе. — Вы меня заберете — и все погибнет! Поверьте! Я должен остаться здесь!

Вижу, что Первый колеблется.  
— У нас приказ, — холодно говорит он. — Что я думаю — не имеет значения. Нам надо доставить тебя в Управление. Пошли. Там разберутся.

Обреченно встаю. Не спастись. Все было напрасно.  
— Дайте мне хотя бы забрать лабораторные записи. Они там — у Старушки.

— Где-где? — поднимает вверх брови Первый.  
— В квартире под нами. Я мигом.  
— Пошли, Николай, — указывает на дверь Первый. — Проведем Сергея Павловича.

Мы следуем друг за другом — впереди Первый, в середине — обреченный пленник, замыкает строй Второй, который так и не снял темные очки. Проходим мимо разводов на стенах — радости психоаналитика. Я бы ему сейчас рассказал, что вот это пятно похоже на Первого, а вот это напоминает Второго. Третье раскрывает зубастую пасть. Уровень воды поднялся. Интересно, где сейчас рубеж, за который нельзя заходить?

Пингвин появляется из квартиры Молодоженов, когда мы уже спускаемся по лестнице. Он поднимает руки, в которых зажата электрическая железа подводной твари. Соленая вода сбегает по черным пальцам моего друга и капает на бетонный пол.

Второй оборачивается и выхватывает пистолет. Пингвин сдавливает ладони.

— И-и-и-и!  
В темноте лестничных пролетов электрическая вспышка кажется ослепительно яркой. Второй валится на ступени. Черные очки оплавленным комком летят в воду. Первый толкает меня в сторону, вытягивает руку с пистолетом и делает шаг ниже по лестнице.

Выстрел!  
Но шаг сделан. Вот она — граница охотничьих угодий Бледной Пакости. Я никогда не мог увидеть момент падения. Лишь в воздухе остается водяная пыль, сейчас обильно подкрашенная красным цветом. Первый не успел даже вскрикнуть.

— Пингвин! — Я бросаюсь к своему другу, лежащему на лестничной площадке.

Его остекленевшие глаза смотрят в потолок. На груди, там, где у человека должно быть сердце, рана от пули. Противно пахнет горелой плотью. После вспышки режет глаза, и на них наворачиваются слезы.

Я сижу посреди пустой крыши, как мальчишка качаясь на двух ножках стула. Где-то на подступах к чердаку плещется вода. Электрические твари прут напролом, чувствуя близкую добычу. В «бенелли» осталось всего четыре заряда. Корабль идет ко дну, но его капитан все еще твердо стоит на палубе, раскачиваясь вместе с ней.

Вверх-вниз.  
Вверх-вниз.



## ФАНТАСТИКА

Четыре заряда — это же еще очень много. Продержимся. Главное, чтобы твари не подобралась во время сна, который больше некому охранять. Я положил мертвого Пингвина в кабину вертолета и, сумев с четвертой попытки завести двигатель, опрокинул вниз. Теперь мне больше не с кем говорить в своих снах.

Боль. Она приходит все чаще раз за разом. Вот и сейчас она хватает виски, и я проваливаюсь в очередной мир.

Растрескавшаяся земля, сухая пыль под ногами. Я стою на краю пропасти и вижу перед собой дно высохшего океана, в котором нет ни капли воды. Рядом лежит на боку остов давно погибшего парусного корабля. Его мачты сломаны. По трухлявому днищу, вяло перебирая лапками, ползет сонный краб.

Еще дальше на древнем берегу — черная фигура с длинным клювом.

— Пингвин!

Я бросаюсь к Пингвину и останавливаюсь. Это не он. Просто очень похож. Пингвин смотрит сквозь меня в сухую бесконечность. Он не может меня видеть. Меня здесь нет. Я там, в кресле, раскачиваюсь и держу «бенелли» с четырьмя последними патронами. А здесь я — только плод собственного воображения.

Вон сидит еще один Пингвин. Еще и еще. Они смотрят и ждут, словно высохшие древние мумии. Они не знают, что их посланник больше никогда не вернется и не приведет с собой воду.

Я ничего не обещал тебе, Пингвин. Но я сдержу слово, которое никогда не давал.

Мне не надо щелкать пальцами или стучать копытами. Все происходит совсем не так. Я — Система. И я умею открывать порталы. Это моя работа. Это то, чему меня обучили в лаборатории. Я зажмуриваюсь прямо здесь, во сне, и чувствую бурлящий поток воды, проходящий меж пальцев. Вода устремляется сквозь новый проход из другого мира, в котором одинокая спящая фигура раскачивается на стуле.

Вверх-вниз.

Вверх-вниз.

И сейчас сухая земля тоже качается под ногами. Наверное, я просто устал. Я опускаюсь на колени, открываю глаза и вижу, как на землю падает первая капля. А потом слышу рев океана, наполняющего соленой холодной водой мертвую впадину.

— И-и-и! И-и-и! — кричат прыгающие от счастья Пингвины.

— И-и-и!

А где-то совсем в другом мире другой человек, который тоже я, уже проснулся. Он стоит на краю крыши, смотрит на стремительно понижающийся уровень воды. И нельзя понять — плачет он или смеется от радости.

